

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ
К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
БУДЬ ГОТОВ!

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ
И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 47-й | Вторник, 20 июля 1971 г. | Цена 1 коп.
№ 58 [5537]

Инструктор по правилам уличного движения Юшин Саша из спецшколы № 6 г. Москвы проводит с ребятами занятия.
Фото Я. ШАХНОВСКОГО.

СВЕТО- ФОР- ЛЕТО-71

Дорогие друзья!
У вас каникулы. Вы отправляетесь в походы, в пионерские лагеря. И куда бы вы ни пошли, куда бы ни поехали, вам всюду придётся встречаться с автомобильным транспортом: на самых глухих просёлках и на скоростных автомагистралях, которые пролегают близ ваших лагерей. Я уж не говорю о городе, где летом движение ещё более оживлённое.

Поэтому вы не должны забывать о вашем «Светофоре», летний тур которого стартует сегодня. Включайтесь активно в игру: Знания, приобретённые в ходе её, никогда не будут лишними.

Желаю вам успеха.

В. В. ЛУКЬЯНОВ,
начальник Управления ГАИ МВД СССР,
комиссар милиции III ранга.

Майкл ДАВЫДОВ — московский корреспондент «Дейли уорлд», газеты американских коммунистов. Недавно он был гостем Всесоюзного пионерского лагеря Артек.

ПЯТЬ дней, проведённых в Артеке, пробудили во мне одновременно чувство радости и боли.

Радости — потому что нет ничего более прекрасного, чем счастливый смех детей. А чувство боли — потому что большинство американских детей, миллионы детей наших рабочих, лишены счастливого детства.

Когда я восхищался красотами Артека, его горами, солнцем, морем,

но поверить своим глазам. Это сказал человек, который может отправить своих детей на лето куда хочет. Печально, но это факт: у нас нет ничего похожего на Артек, у нас нет ничего вообще, что напоминало бы ваши пионерские лагеря.

АРТЕК

ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦА

одна неотступная, мучительная мысль не выходила у меня из головы, и я повторял про себя: «Так должны и могли бы жить американские дети».

И тогда я спросил себя: «Что, если бы матери и отцы Гарлема, рабочие из Нью-Йорка и Чикаго, сталелитейщики Среднего Запада смогли бы сами увидеть Артек? Я думаю, это придало бы новую силу их борьбе и протесту против той жизни, которая лишила счастливого детства их детей и обрекает молодёжь теперь на позорные могилы во Вьетнаме».

Я хорошо знаю, что значат для американских родителей, особенно для негров, пуэрториканцев, индейцев, мексиканцев, летние каникулы ребят. Особенно в Нью-Йорке, Чикаго и других больших городах. Их дети не только никогда не видели красоты гор и моря — они никогда не видели настоящего заката солнца! Свои каникулы дети проводят на душных, грязных городских улицах. Лето — это время страха для матерей и отцов, потому что улицы наших больших городов похожи на опасные джунгли.

У нас тоже есть летние лагеря. Но, во-первых, они остаются недоступными для миллионов детей рабочих. А во-вторых... Франк Борман, американский космонавт, который побывал в Артеке с женой и двумя сыновьями, сказал, что ему было просто труд-

но поверить своим глазам. Это сказал человек, который может отправить своих детей на лето куда хочет. Печально, но это факт: у нас нет ничего похожего на Артек, у нас нет ничего вообще, что напоминало бы ваши пионерские лагеря.

В Соединённых Штатах большинство летних лагерей находится в руках частных предпринимателей. Одна неделя отдыха ребёнка в таком лагере стоит в среднем 100 долларов. Когда мне сказали, сколько стоят путёвки в пионерские лагеря, и особенно в Артек (а большинство путёвок в Артек бесплатные), то мне стало ясно, что Советское государство берёт на себя основные расходы по вашему отдыху.

США — страна с хорошо развитой индустрией, сельским хозяйством и наукой — не делают для своих детей того, что делает Советское правительство. Преступление против наших детей состоит в том, что ежегодно 30 миллиардов долларов тратится на войну, в то время как наши дети вынуждены проводить свои каникулы на жарких и опасных улицах больших городов.

Покидая Артек, ребята со слезами на глазах расстаются с пионерской республикой и со своими новыми друзьями. Но, возвращаясь домой, они не встречают той огромной разницы между жизнью в пионерском лагере и дома, как это случается с американскими детьми, которые посчастливилось провести лето в лагере.

И вообще, многое из того, что для советских людей стало обычным, для меня имеет особый смысл. Было удивительно и радостно видеть

в Артеке, как дружны девочки и мальчики, как охотно выполняют ребята распоряжения своего командира Наташи или Светы. В США неравноправное положение женщины начинается с детства.

В вашем лагере дети окружены большой добротой и пониманием. Вожатые, как я заметил, заботятся о детях не просто так, как требует их должность. Они любят их и становятся на всю жизнь

герную смену для своих питомцев родными, учителями, товарищами и друзьями. Пионеры Артека верны традициям старшего поколения. Я навсегда сохранил в памяти выражение лиц пионеров-«морзяков», когда они подвели меня к памятнику героям-артековцам, отдавшим жизнь в борьбе с фашистами во время войны.

Но самое большое впечатление на меня, американца, произвели тёплые, дружественные отношения в Артеке между детьми более чем 70 разных национальностей. Я подумал, что негритянские, пуэрто-риканские, мексиканские и индейские дети были бы приняты здесь как равноправные друзья. А в своей собственной стране они нередко чувствуют себя чужестранцами.

Я был очень тронут глубокой симпатией артековцев к Анджеле Дэвис. Дух международной солидарности, как яркий костёр, горит в Артеке. Тепло от этого костра расходится по всему свету.

Для меня Артек стал воплощением красоты и естественной частью советской действительности. Артек — это пионерская республика, здесь воспитывают будущих коммунистов, здесь не забывают о борьбе, которая идёт в мире за то, чтобы у всех ребят было счастливое детство.

Игрой в пионерском лагере руководит штаб «Светофора».

1. Постройте в своём лагере городок с перекрёстками, пешеходными дорожками, макетами домов и проводите занятия по правилам уличного движения. Организуйте соревнование: «Светофор над зелёной лужайкой».

2. Установите в лагере дорожные знаки и указатели. Проведите трёхдневную игру «Перекрёсток». Каждый отряд придумывает свою эмблему, которую будут носить все участники игры. Патруль штаба «Светофора» должен следить за выполнением правил уличного движения и снимать эмблемы с нарушителей. Побеждает отряд, у которого осталось больше эмблем. Дневник игры и эскизы эмблем присылайте в редакцию.

3. Помогите сельским ребятам освоить правила уличного движения. Подготовьте для этого плакаты, стенды, проведите беседы.

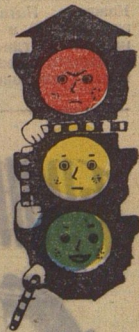
4. Организуйте с соседним пионерским лагерем состязание по знанию правил уличного движения, устройства автомобиля. Форму состязания придумайте сами.

5. Проведите конкурс на лучший стихотворение, смешной рассказ, фельетон о безграмотных пешеходах и пришлите в редакцию работы победителей конкурса.

Не забудьте передать эстафету «Светофора» тем, кто приедет в лагерь после вас!

Ждём ваших сообщений до 10 сентября 1971 года. Пароль — «СВЕТОФОР-ЛЕТО-71».

Штабы, которые отлично справятся с заданием, награждаются поездкой во Всесоюзный пионерский лагерь Артек. Поэтому обязательно сообщите фамилии, имена членов штаба, адреса и номера школ, в которых они учатся.

Течёт, гетляет речка-невеличка. Но и на малой реке бывают омуты и водовороты. И форсировать её не так просто. Вперёд вырвались смельчаки — мальчишки из деревни Курманаево Марийской АССР.

Фото А. ЗАЙЦЕВА.

«ЛЕКАРСТВА ЛЕСНОЙ АПТЕКИ — ДЕТСКОМУ ГОСПИТАЛИЮ В ХАНОЕ» — так решили пионеры нашей страны (смотри «Пионерскую правду» № 55).

ТВОЙ ЛАГЕРЬ, ДВОР, СВОДНЫМ ОТРЯД УЖЕ ВКЛЮЧИЛИСЬ ВО ВСЕСОЮЗНУЮ КАМПАНИЮ «ЛЕКАРСТВА ЛЕСНОЙ АПТЕКИ — ДЕТСКОМУ ГОСПИТАЛИЮ В ХАНОЕ?»

А ТЫ СДЛАЛ ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ТРАВЫ ДЛЯ ТВОИХ ВЪЕЗДНЫХ БРАТЬЕВ?

Не все травы смогут у вас принять заготовители. Поэтому, чтобы ваш труд не пропал зря, а ценные травы не погибли, свяжитесь с заготовительными пунктами потребительской кооперации или с аптеками и узнайте, какие травы нужны, как и когда их лучше собирать, как правильно сушить, как лучше сохранить.

Вам дадут советы и окажут помощь учителя биологии, ваши райкомы и горкомы комсомола, местные общества Красного Креста, аптекоуправления, заготовительные конторы потребительской кооперации.

Лучшие пионерские отряды школ, лагерей, площадок, которые соберут много лекарственных трав, будут награждены грамотами Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Лучших сборщиков ждёт Всесоюзный лагерь Артек.

ЭТО НАСТОЯЩАЯ НАУКА

Чаще и чаще лагерные горнисты поднимают ребят по боевому сигналу. Я сам пережил несколько боевых дней, побывав у минских пионеров в лагерях «Мир» и «Беларусь». Сигналы горна зовут в леса и луга. Вместе с ребятами отправляются в походы вожаты, специально командированные нашим управлением

в лагерь для сбора целебных трав.

У каждого растения своё время сбора. Это ведь целая наука. В лагерях есть клумбы, на которые из леса переселены лекарственные растения. Возле каждого — табличка, рассказывающая, как растение называется, в чём его польза. У специалистов много помощников — пионеров, любя-

щих ботанику. Они инструкторы по сбору и сушке трав в своих отрядах. После каждого похода в лес или на луг пионерский заработок из лагерей перечисляется на текущий счёт обкома комсомола под девизом «Лесная аптека».

З. ПАРХИМЧИК,
старший товаровед областного управления заготовок Облпотребсоюза,
г. Минск.

"КАК ВЫ ЖИВЁТЕ?"

УДИВИТЕЛЬНО, но это, как говорится, факт: Дмитрий Николаевич Тянин, что живёт в белорусском селе Аютино, и на охоту ходит, и косит, и плотничьего дела не чурается... А ведь ему, корсару и плотнику, идёт девяносто пятый год! Ещё в 1905-м про Дмитрия Тянина знала вся округа, не глядя, что был молод. Герой русско-японской войны!

Надо сказать, дед Дмитрий во всех войнах, какие только были на его веку, отличился. В первой мировой стал полным георгиевским кавалером: три награды, три Георгиевских креста заслужил!

В последнюю войну, Великую Отечественную, тоже прошёл героем.

Возвратился в родное село с фронта с двумя орденами

Красного Знамени! Дмитрий Николаевич — тот самый дед, который спас, уберёг воинские знамя Самара-Ульяновской дивизии. Это — в сорок первом. А в сорок третьем году дед был навечно зачислен в список той самой дивизии. — Навещает иногда своих однополчан.

Летом, правда, деду Дмитрию совсем некогда развлекаться: работа и в поле, и на лугу, и по хозяйству. А главным, пионеры к нему зачастили. И все спрашивают, расспрашивают. Следопыты,

разведчики боевой и трудовой славы.

Воспоминания деду, конечно, любопытны. Никаких книг, кажется, не надо. Только слушай. Однажды больше всего ребят-путешественников удивляет то, что едва ли не столетний человек, столько испытавший в жизни невзгод и лишений, может и косить, и картошку окучивать, и дом ремонтировать... Сами видели.

И, кстати, тоже видел. Я понял: деду нужны, очень нужны помощники. Просить пионеров о подмоге про-

де бы неловко. А сами они что-то не догадываются... Сфотографируют старика за каким-нибудь делом и считают, что поработали, выполнили следопытское задание.

Мне кажется, всем, кто называет себя разведчиком, следопытом или просто туристом, знакомство с таким, как Дмитрий Николаевич Тянин, лучше всего начинать по-деловому, по-пионерски. И первый вопрос, наперёд, должен быть не «Как вы жили?», а «Как вы живёте?». Это для того, чтобы «разведать», выяснить, в какой помощи нуждается человек. Выяснить и, разумеется, помочь.

Не спешите, путешественники, поскорее пройти свой маршрут. Задержитесь на часок у деду Дмитрия, хоть и сфотографирован он уже, и про былые поведайте. Задержитесь...

Л. ЯНОВСКИЙ,
энергетик часового завода,
г. Минск.

ВЫШИВКА

— Смотрите! Снегири, как живые...

— Я их пшеном приманивала, — смеётся Евгения Афанасьевна. — Верещат, прыгают, а я наблюдаю. Нарисовала, подобрала цвета ниток.

Давно обещала Маргарита Владимировна своим ученикам отвести их к художнице Евгении Афанасьевне Петровой, у которой сама когда-то мастерству училась. И вот они здесь.

Не комната, а музей. Девочки глаз не могут отвести. Тончайшие, как паутинка, кружева... Яркий ковёр с неповторимым русским орнаментом... Платя с ажурными вставками. Даже картины. И всё это вышивка. Евгения Афанасьевна этот талант от предков, видно, достала. Прабабушка Ефросинья по хатам ходила, петухами разрисовывала печи да окна. А дед сбруи украшал бубенцами.

— Неужели и это вышивка? — спросила Ира, показывая на зимний лес.

— Конечно...

А вот и весна. Берёзки стывают в талой воде... Аютиным глазки удивительно смотрят с полотна.

— В сорок третьем это было, — вспоминает художница. — Иду из штаба ПВО после ночного дежурства. В сквере возле Большого театра их увидела. Их ярки краски роса притушила. Цветы ещё спали. Потом проснулись. Налюбовалась одулов и перенесла их на бумагу. На дежурствах мы подарки готовили фронтовикам. Аютины глазки и расцветали тогда на кистях. Письмо пришло в ответ: «Глажу на шёлковый узор и вспоминаю поле: розы колосистая, колокольчики, жаворонки...»

Уходили девочки не с пустыми руками. Затеянные узоры для платочков уносили на листочках в клоточки, рисунки крестом по суровому полотну... Пригодятся в лагере.

И. ЧИННОВА,
Фот. Я. ШАХНОВСКОГО.
Московская область,
пионерский лагерь
«Лесные дали».

А ТАМ ТАКАЯ ЖЕ ТРАВА...

— НЕ ПОЕДУ, — сказала Рая, когда отец принёс пудёвку в межколхозный лагерь. — Зачем! У них там в саду черешня! Так у нас своя. Или трава там не такая?

В общем, как Райку ни уговаривали, вышло — ехать в лагерь Вале.

Походила Валя по берегу, где колхоз для ребят домики выстроил, домики-теремки, и даже обидно стало, зачем Рая про лагерь так говорила.

...К речке, может, поначалу и можно было придраться. Очень уж быстрая. Так торопится, прямо звенит. Зайдешь в воду — гляди, унесёт! Зато рыбы много, хлопцы чуть не с рассвета с удочками сидят и Валю просят: «Уху любишь? Ну-ка налови нам кузнечиков. На кузнечиков усачи хорошо идут...» А Райка сейчас спозаранку, наверное, уже в садик сестрёнку ведёт. Младшую. И Бушуя они отзавали, он за ними бежит, лает, прыгает...

...Потом всем лагерем в лес уехали

траву чабрец собирать, ромашку. Хлопцы в трубы трубили, в барабаны били, как будто, и правда, они все на поляну пришли, чтоб полевуя царичу, ромашку, в плен брать. А в колхозном саду потом «в плен брали» вишню.

Валя представляла: Рая сейчас, наверное, на крыльцо миску вынесла, капусту для щей крошит, а сама за Любешей приглядывает. Это самая младшая сестрёнка, за ней глаз да глаз нужен! Так вот, Райка щи варить собирается, а Валя будто бы про ромашку ей рассказывает...

Как-то под вечер, это как раз когда Рая ждёт с поля отца, греет воду, чтобы отец отмыл от солёнки руки (он на тракторе работает), опять Валя про Раю думала. Она бы тут, конечно, среди девчат была первая. Сколько песен знает! А в тот вечер шёл спор, кто знает песни старинные, народные... Нет, не хватало тут Райки! И когда в футбол играют, она любит. Даже если смотрит по телевизору, свистит, хлопает в ладоши и на табуретке подпрыгивает, как будто сидит на стадионе.

«Здравствуй, дорогая сестра Раиса! — начала Валя писать письмо. — Живём мы в лагере дружно, хотя тут девчата

и хлопцы с разных хуторов. Ты зря говорила, что, может, тут не такая трава. Нисколько она не хуже, чем на нашем лугу, где любит бегать Бушуй...»

...Мама уже, наверное, с работы пришла. Райку за щю хвалит... А та, небось, уже ложку на стол роняет, глаза у неё слипаются: за день небегалась. «...Так вот, Рая, трава тут, конечно, совсем ни при чём. Я знаю, почему ты осталась и я вместо тебя поехала. Потому, что без тебя всем дома было бы плохо».

А. БЕЗБОРДОВА,
Ставропольский край,
межколхозный лагерь «Спутник».

Летом кто куда развезается, а Володя Лысаков — снова на пасеку и деду, Дедушка Иван Семёнович работает пасечником в колхозе «Ленинский путь». И три года вместе с ним ухаживает за пчёлами внуч. Все тайны пчелиные Володя теперь знает. И, конечно, мечтает стать пчеловодом.

А. КОВАЛЕНКО,
УССР, Донецкая область,
Александровский район.

...Сидели в тесной кухоньке, отгороженной от комнаты деревянной перегородкой. Пили чай с домашними сухариками, черничным вареньем... Ворошил пачки писем, фотографий. Вот 1-й «А», вот они в четвертом. Вот... Все эти снимки есть и у Ольги дома в старом маминном альбоме. Но здесь, в зелёном домике Марии Павловны, под окошками которого проложены были её первые тропинки в школу, всё вспоминается по-другому...

Да, она им как родная была, поэтому и помнит её Ольга и за советом к ней прибегала. Всё рассказала: про вулканы, к которым так рвётся её душа, про беду с отцом. Спросила, волнуясь, может ли она стать учительницей, хоть на время.

Мария Павловна сказала Ольге:

— Деточка, научить ребятшек читать, писать, про вулканы рассказывать — полдела. Научить быть человеком — наука куда сложнее... Их сердцем принять нужно, учеников своих. Все они разные. Одним строгость нужна, другим — ласка... А главное — уважать их надо. Святое это дело — уважение.

А вулканы, они, что ж, не убегают... подождут ещё тебя вулканы. Ты с людьми начни: люди, они ведь тоже как вулканы... У каждого свой порыв. Один так всю жизнь и пропит — промолчат, равнодушный и к себе, и к окружающим. Другой кипит, волнуется, баламутит всё кругом, а попусту. А третий силы копил, набирает, а потом забьёт. А чем: добром или злом? Какие силы копил? Да ты и сама, голубчик мой, это поймёшь. Иди... Добрая ты. Должно у тебя получиться. Я так думаю... И спасибо тебе...

День сегодня у меня как праздник!

Глава II,

или Задача с двумя известными. Сколько стоит друг? Говорит радиоточка «Л-4».

Проскочив остановки две без передышки и убедившись, что за ним никто не гонится, не отнимает так необычно полученный подарок, Ромка Петров стал соображать, что ему делать дальше, куда деваться с подарком. Домой являться нельзя: ни мать, ни Корытина всё равно не поверят... Корытина... Всё, всё в этом человеке было Ромке противно: как он ел, как ходил, как говорил. Особенно, если выпивал хоть одну стопку водки: у Корытина словно вдруг делался насморк или кто ему зажимал нос прищепкой для белья. От этого голоса у Ромки сжимались кулаки.

— ...А кто ты такая есть?.. Молчишь? Молчи, молчи... Мне ведь что? Мне ведь недолго! Мне твоего прынца содержать хватит! Я живо... Где тут мои чудотаны?

И Ромка знал, что наутро мать скажет ему:

— Ну, опять подмётки отфутболил. Огнём всё на тебе горит... Сегодня же ступай к Петрову. Пускай десятка даётся. Без денег не являйся! Слышишь?

Это было самым унижительным для Ромки.

Дело в том, что Петров был родной Ромкин отец. Совсем ещё недавно они с этим самым Петровым набивали выцветший брезентовый мешок кедами, резиновыми сапогами, телогрейками... Сумку — баранками, сухарями, пряниками. Заматывали проводом сачки-удочки и отбывали ночным поездом на север, «в отпуск», к деду Валентину в Речищах. Мать махала им с платформы... Было весело и спокойно.

Продолжение. Начало см. «Пионерскую правду» № 57.

В Речищах у Ромки с отцом были свои заветные места. И отпуск обычно начинался с визитов вежливости. Первым делом они шли здороваться с ветряной мельницей. Старушке было лет этак под сто, а может, и больше. Чёрно-серый крест её крыльев высоко маячил над лесом. Вся она была такая обветренная, насквозь продутая сквозняками, высушенная зноем, и такая древняя, что, глядя на неё, Ромке всегда чудилось, что они попали в сказку, что вот-вот вывернут из-за леса на конях богатыри в кольчугах и шлемах, посмотрят из-под руки и спросят строго: «Кто такие?»

Каждый раз, подъезжая к Речищам, Ромка с беспокойством глядел в окно: цела ли мельница? И отправлялся с отцом к ней здороваться. Старушка по-прежнему всё стояла на месте.

— Здорово, старая! — кричал отец, высоко задрав голову.

— Здравствуй! — вторил ему Ромка.

В ответ им, лишь тихонько покачиваясь, поскрипывали крылья да ветер гудел, продувая насквозь её дощатый сафран.

Потом они размашисто шагали лесной просекой, буйно заросшей травами и цветами. Хлюпала под ногами, брызгая в стороны, тёплая дождевая вода, испуганно шаркались в стороны лягушки. Хлестали по лицу влажные ветки и настырно гудели комариные полчища...

— Здорово, ухват! — говорили они дружно, останавливаясь перед рыхой сосной на перекрёстке лесной дороги.

Сосну прозвали ухватом не зря. Метрах в двух от земли ствол её раздваивался, и, одинаково изогнувшись в стороны, словно гигантский ухват, снова суживаясь, уходил ввысь двумя вершинами. Отец подсаживал Ромку, Ромка вскакивал верхом на ствол, а отец шёлкал затвором «Смелый». Это стало для них непременным законом с того самого дня, когда годовалого Ромку отец посадил на «чудное» дерево, решив запечатлеть его на плёнку. Этот снимок стал у них началом альбома, по кото-

рому, как по календарю, можно было проследить, как из года в год вырастал Ромка.

...Просека выводила их к белому домику лесника. Здесь их всегда ждало богатое угощение. Лесник дядя Пантелей был другом Ромкиного отца...

В предракетной дымке вывозили они из сарая велосипед и катили по лесной дороге к дальнему карьеру — лесному озеру. Ромка — на раме, мешок с продуктами — на багажнике. За спиной у отца — сачки, удочки. Нагибаясь к рулю, отец грел своей широкой грудью Ромкину спину. Ромка сладко зевал спростоня и ёжился от встречного ветра. На берегу карьера они соорудили шалаш и жили там день-два, а то и три. Рыбачили, пока не кончались спички, хлеб, соль...

С прошлого года к деду Валентину Ромка «отбывал» один. Мать теперь, сажая его

когда Ромку посылали к Петрову за десяткой.

И Ромка шёл. По дороге думал, о чём расскажет отцу, что у него параспросит... Обязательно угорит взять с собой в ночной рейс... Мечтал: может, даст отец покрутить баранку...

Но, как только входил в общежитие, куда переехал отец, всё у него из головы вылетало... Больше молчал. Уставился на рыжее пятно на клеёнке или начал считать закорючки на обоях, а сам украдкой поглядывал на часы. Установит себе срок: вот, решит, ровно в двенадцать... Отец тормошит его, боксёрские перчатки с гвоздя снимет, приёмы разные начнёт показывать. А Ромка глянет — стрелка на будильнике в двенадцати подползает, даст себе отсрочку: вот в час... Когда откладывать будет некуда, переселил себя, скажет:

— Пап, мать сказала, что мне ботинки нужны...

— Ну и пусть купит... Я же послаа...

— Она сказала, надо ещё десять...

— Надо так надо! — скажет отец. Достанет старенький бумажник, подаренный ему Ромкой ещё в те «хорошие времена» на день рождения, распахнёт его, как оболочку книжки, и Ромка увидит карточку матери, вставленную за прозрачную перегородку, а увидев, удивится, вспомнит Корытина... Отец вытряхнет из бумажника на стол все деньги, отсчитает десять рублей. ...Всю дорогу денег будет жечь Ромке руки, но всё равно он возьмёт, потому что не посмеет без них явиться домой. А вечером на столе перед Корытиным появится бутылка «столочной». Захмелев, он заголосит во всю Ивановскую: «Расцвела сирень в моём садочке». И Ромка бежит на кухню к соседке Гурьевне. Будет что есть силы драть напильником ржавый прут — мачту для шхуны, чтобы не слышать...

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

...Вот и размышлял он, не зная, на что решиться: если пойти к Петрову, оставить ласты у него — надо всё ему объяснить и про мать, и про Корытина, рассказывать, как одиноко ему теперь живётся дома... Нет, он не хотел жаловаться, не хотел, чтобы его жалели — тем более отец! Стыдно ему было перед Петровым из-за этих поганых денег. Всё реже, реже ходил он к отцу, которого любил и уважал.

А Петров переживал: думал, разлюбил его сын, даже ревновал к отчиму... Но человек он был тихий, стеснительный, все обиды таил в себе, даже к деду Валентину перестал ездить в отпуск: больно ему было там, среди Зинаидиных родственников, хоть все они держали его сторону и с Ромкой передавали поклонны...

...Шёл Ромка, а навстречу ему, сам того не зная, шагал Андрей Рябинин...

● Только вчера переехали они с дачи: Надежда Егоровна, Тимка и он, Андрей.

— Ну, явился, — встретила Андрея соседская бабушка Катя. — Покажись, покажись. Ишь, вырос как!

— Баба Катя, — потащил Андрей соседку в комнату, — посмотрите, кто у меня есть! Он уже команды знает: «Тим, место!»

— Что? — ахнула бабка, увидев шенка. — Это ещё что удамал! Пса приволок.

— Да вы не беспокойтесь, — уговаривал Андрей бабку, — он же в нашей комнате будет жить. Он добрый...

— А брехать он где будет? Ты ему, что, пасты завяжешь? Нет уж, нет уж... У нас дитё... И, не думай... Права на это не имеешь.

Андрюшка был человек вежливый, спорить не стал.

Огорчённый, закрыл он дверь комнаты на ключ, посадил Тимку в угол за тахту и приказал: «Сиди смироно!» И пригорюнившись, стал думать, как умягчить соседку. А любобытный Тимка, просидев спокойно всего минуту, стал совать нос во все углы... Выволок из-за шкафа туфлю Надежды Егоровны и давай на неё кидаться, фырчать... При этом он вилял хвостом и весь его сияющий, хвастливый вид говорил: вот я какой храбрый! Андрей отнял туфлю... Тимка просидел минутку спокойно, гнулась влажным носом в руку хозяйки, приглашая его к игре, но, не получив ответа, вытащил откуда-то шапку, стал забавляться один.

А дальше разыгралась самая настоящая трагедия.

Баба Катя удалилась на бульвар с младенцем. Андрюшка, воспользовавшись её отсутствием, побегал на кухню греть на плите геркулесовую кашу для Тима... И тут позволил в дверь, явился техник-смотритель ЖЭК проверить исправность водопровода, составлять смету на текущий ремонт. Андрюшка ходил за ним следом, как умед, давал объяснения... А геркулесовая каша поднялась в кастрюльке, словно хотела посмотреть, что делается на свете, гордо так и ехидно фыркнула, свесилась через край и затопила собой газовую горелку... Из кухни повалил густой чад. Андрей кинулся спасать кашу, а техник, не дождавись хозяйки, открыл дверь в комнату. Тимка немедленно вырвался в переднюю, помчался на кухню к Андрею.

Но вдруг какая-то сила остановила его и толкнула к новому соседскому шкафику. Там, на блюде под газетой, лежал кусок мяса. Вытянувшись во весь свой щенячий рост и радостно повизгивая, Тимка пытался достать свёрток: сушил передними лапами, скользил по белоснежной стенке шкафа.

(Продолжение следует)

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ!

Верному, доброму, весёлому другу ребята — Центральному детскому театру исполнилось 50 лет.

«Пионерская правда» горячо поздравляет коллектив театра. Пусть всегда его спектакли открывают ребятам яркие страницы жизни. Пусть всегда театр остаётся сверстником своих зрителей.